

РЕЦЕНЗИИ

ТЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА. ВЛАСТЬ, ЦЕРКОВЬ И ТЕКСТ В КОРОЛЕВСТВАХ ВЕСТГОТОВ (V — НАЧАЛО VIII В.): ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ / РЕД.-СОСТ. О. В. АУРОВ; ОБЩ. РЕД. О. В. АУРОВ, Е. С. МАРЕЙ.

М.: Издательский дом «Дело», 2017. 352 с.
ISBN 978-5-7749-1253-7

УДК 82-95 (27-662.3)
DOI: 10.31802/2500-1450-2020-37-2-343-350

В числе научных направлений, разрабатываемых в отечественной исторической науке последних нескольких лет, особенно выделяется то, что связано с изучением христианской Испании периода раннего Средневековья. За сравнительно короткий период времени вышло в свет сразу несколько изданий, предлагающих читателю как источники, отражающие становление христианского общества и культуры на Пиренейском полуострове периода поздней Римской империи и варварских королевств¹, так и исследования, в которых даётся новый взгляд на особенности иберийской истории того времени². Рецензируемая книга, подготовленная коллективом авторов под общим научным руководством О. В. Аулова, является ярким примером успешного осмысления, а где-то переосмысления, исторического опыта христианства и Церкви вестготской Испании.

- 1 Особенно хотелось бы выделить недавно изданную книгу, предлагающую переводы значительного числа текстов, охватывающих историю Испании от римского времени до эпохи арабского владычества: *Mater Hispania: христианство в Испании в I тысячелетии*: пер. с лат. яз. / сост. протоиерей А. Кордочкин. СПб., 2018. См. также издание вестготских законов: *Вестготская правда. (Книга приговоров)*. Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012.
- 2 *Циркин Ю. Б. Испания от Античности к Средневековью*. СПб., 2010.

Как заявляют сами авторы, книга посвящена в первую очередь изучению взаимоотношений светской власти и Церкви в Испании периода вестготского владычества (с. 7). Несмотря на, казалось бы, традиционное звучание поставленного вопроса, решается он в книге в совершенно новом и, на наш взгляд, весьма перспективном ключе. Новаторской эту книгу делает не только сам предмет исследования³, но и избранный метод, способ подачи материала. В центре внимания оказывается идеология, закреплённая в тексте и транслируемая через текст, определяющая не только само мировоззрение, но и политические практики. Нельзя не увидеть в избранном подходе влияния со стороны так называемого «лингвистического» поворота в исторической науке⁴, произошедшего уже несколько десятилетий назад, но начавшего приносить добрые плоды в отечественной науке сравнительно недавно.

Перед авторами-составителями рецензируемой монографии стояла непростая задача. Каждый автор обращался к тому или иному сюжету политической, культурной или церковной истории, решая собственные исследовательские задачи. Изначально многие главы, как об этом сообщают сами авторы, писались в качестве статей, и в рамках монографии этим материалам необходимо было придать идейную целостность, чтобы книга не выглядела обычным тематическим сборником, а, действительно, стала монографией, то есть написанной в едином ключе. Это, на наш взгляд, удаётся далеко не всегда, рядом с добротными главами, написанными на солидной источниковой и историографической базе (например, главы 2, 4), оказываются разделы, во многом лишь презентующие тот или иной источник (например, глава 5)⁵, о чём ещё будет возможность сказать ниже.

3 Нельзя спорить с тем, что со времён А. Р. Корсунского ничего серьёзного, что бы давало общий взгляд на историю раннесредневековой Испании, до недавнего времени в нашей стране написано не было. См.: *Корсунский А. Р. Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории)*. М., 1969. Да и в этой монографии, вышедшей более полувека назад, вопросу о взаимоотношении королевской власти и Церкви уделено не так много внимания.

4 О. В. Ауорову явно импонирует произошедший в исторической науке отход от рассмотрения исторических текстов как «каменоломни фактов» и перенос внимания на самостоятельное явление, обладающее политико-идеологической природой (с. 103). И в этом нельзя не поддержать авторов книги.

5 Данная претензия не относится к главам второй части монографии, ориентированной именно на презентацию текстов в их переводах на русский язык.

Книга делится на две части. Первую — «Бог, король, епископ», — включающую главы с 1 по 8, составляют исследования, в которых в хронологическом порядке рассматривается история вестготов и их королевства в связи с церковной историей IV–VII вв. от христианизации вестготов, вступивших во взаимодействие с Константинополем на рубеже III–IV вв., до времён Исидора Севильского (ок. 560–636 гг.) и Юлиана Толедского († после 690 г.). Во второй части — «Тексты и контексты», — включающей главы с 9 по 13, после общего обзора истории христианства и церковной литературы в Испании вниманию читателей предлагаются комментированные переводы текстов, так или иначе отражающих эту историю.

Первые три главы книги являются вводными и призваны познакомить читателя с тем, как вестготы, обратившись в христианство и приняв его в арианской версии, создали на территории Аквитании и Испании королевство, как у них формировалась королевская власть, как стал выстраиваться диалог между королевской и церковной властями. Уже в этих главах авторам, прежде всего самому О. В. Ауруву, написавшему 2-ю главу, приходится, говоря об исторических реалиях, всякий раз оглядываться на язык источников, искать «существо» в его отражении. Так, любопытными следует признать рассуждения о деформации существовавших представлений о власти под влиянием, как исторической динамики, так и в результате формирования нового языка, уже христианской культуры (с. 63–70). Главная идея, которую стремятся провести авторы, сводится к признанию важности христианской религии в процессе сближения двух миров: варварского, одной стороны, и римского, с другой. Христианизация вестготов привела, среди прочего, как показано в книге, к принятию варварских королей населением уже не как чужаков, а как законных носителей власти. Их статус, как пишет О. В. Аурув, «получал всё более чёткую правовую фиксацию, а степень формализации властных практик (в том числе на уровне символов) неуклонно возрастала» (с. 75).

Мы уже сказали о сложностях создания единого научного продукта в ситуации, когда этот продукт создаётся различными авторами. В этой связи хотелось бы обратить внимание на третью главу, содержание которой хронологически продолжает материал второй, но проблему поднимает, не вполне связанную с той, что решалась до этого. Существо отношений светской власти и Церкви в вестготской Испании оказалось в главе всецело сведено к антииудейской

политике. Вся тональность главы свидетельствует о том, что не симфония властей, а история иудео-христианских отношений, которые не ограничиваются VII в., волнуют в первую очередь автора (глава написана Л. В. Черниной). Разумеется, само исследование антииудейской политики, проводимой королевской властью, способно показать, насколько плотно взаимодействовала светская власть с духовной, нуждалась ли она вообще в привлечении духовенства к государственному управлению. И анализируемый автором «отклик» Исидора Севильского на решение короля Сисебута (с. 90–94) является тому подтверждением (Исидор показан как человек, теоретически обосновывающий политику короля). Как и обращение к решениям III Севильского собора. Но вряд ли, ещё раз повторим, изучением только этого аспекта может быть исчерпано решение всего вопроса об отношениях светской и духовной властей.

Предметом исследования в четвёртой главе становится правление короля Вамбы и отражение его в сочинении Юлиана, епископа Толедского, «Истории короля Вамбы». Глава важна не только тем, что она знакомит читателей с малоизвестным для большинства источником, но и тем, что в ней показано, как сама «История», то есть текст, созданный служителем Церкви, формирует новую политическую реальность. Не столько отражает действительность (к чему привыкли целые поколения историков и чего прежде всего искали в «Историях»), сколько именно формирует! Помещая текст в правовой контекст изучаемой эпохи, О. В. Ауоров показывает, что сочинение Юлиана Толедского следует рассматривать как нормативный текст (с. 104). В этой связи все выявленные историками «неточности» в рассказе Юлиана и «искажения» действительности следует рассматривать как предложение или навязывание новых поведенческих норм, которые бы через текст проникали в политические практики. Так, Юлиан в своём тексте «показывает необходимость» для нового короля принять помазание в придворной базилике, чего законодательство совершенно не требовало (с. 115). Но именно здесь возникают новые вопросы и рождается поле для дискуссии. Для О. В. Ауорова, как можно понять, «нормальной» видится следующая схема: «правовая норма» определяет «практику», даже идёт «отражение практики в нарративе». Если нарратив ради оправдания автором тех или иных действий исторического героя, противоречащих норме, говорит о новых практиках, то именно нарратив должен занять первое место в схеме, в результате чего сама становится такой: «нарра-

тив, предлагающий идеальное, а не реальное поведение», далее «практика, строящаяся на следовании этому идеальному примеру», наконец, «норма, закрепляющая практику». Эта модель возможна, но в той же степени, как и схема: «практика, выпадающая из нормы» — «нарратив, оправдывающий это выпадение» — «практика, построенная на нарративе» — «норма». Доказать, что на что влияет (нарратив на практику, или практика на нарратив), совершенно невозможно.

Следующие четыре главы (5–8) посвящены изучению образа и статуса епископа в вестготской Испании. Центральной фигурой в этих главах вполне ожидаемо становится Исидор Севильский, величайший писатель Испании не только VII в., но и всего раннего Средневековья. Это, с одной стороны, вполне справедливо, с другой же, таит в себе очевидную опасность. Исидор неизбежно превращается авторами в родоначальника многих инициатив, которые при внимательном рассмотрении оказываются уже сложившимися в Церкви практиками. Так, например, автор пятой главы (Е. С. Марей) указывает на то, что IV Толедский собор постановил «отныне» избирать епископа миром и клиром и утверждать избрание митрополитом провинции, и это же «требование было прописано в трактате Исидора» (с. 132). В результате Исидор выглядит как человек, придумавший подобную процедуру. Но хорошо известно, что практика избирать епископа таким вот образом уже существовала, и следы её мы без особого труда обнаружим в Галлии V в., если прочтём постановление Арелатского собора 452 г., поэтому не лишним было бы представить Исидора в качестве проводника сложившихся в Церкви норм, по всей видимости, не строго соблюдавшихся прежде в вестготской Испании. К сожалению, пятая глава, лишённая как исторического, так и историографического контекста (особенно, в сравнении с четвертой), превращается во многом в пересказ постановлений собора.

В шестой главе, поднимая вопрос о социальных функциях епископской проповеди, её автор (М. Ю. Биркин) предлагает анализ текстов Исидора, в которых севильский епископ рассуждает о роли проповедника, о языке проповеди, вводит важнейшие для него понятия *disciplina justitiae* и *mysterium legis*. Многие положения главы, действительно, кажутся важными, в том числе характеристика исидоровой идеи о формировании общей для испано-римлян и готов идентичности (с. 159). Какие-то выводы, например, о том, что с помощью проповеди епископ укреплял единство христианской об-

щины, выглядят вполне ожидаемыми. Смущает другое. Всё содержание главы строится на обращении к «Сентенциям» Исидора, его трактату «О церковных службах» и «Истории готов». Но далеко не всегда эти сочинения имеют отношение к проповедям. Например, идея единства, о которой пишет автор, обнаруживается им, прежде всего, в предисловии к «Истории готов». Поэтому неизбежно встает вопрос о формах трансляции тех или иных идеологем в общественное сознание. Где доказательства того, что эти идеи продвигались в устных выступлениях, если уж автор собирается говорить о проповеди. По сути, автор статьи заставляет читателя самому строить предположения, что подобные идеи Исидор не только излагал письменно для ограниченного круга читателей, но и доносил пастве в ходе прямого общения.

Седьмая и восьмая главы посвящены рассмотрению частных вопросов творчества Исидора Севильского. Сначала обсуждается его учение о дружбе в связи Цицероновской и особенно святоотеческой традицией (Августин Гиппонский и Григорий Двоеслов). В статье проведен сравнительный анализ текстов Исидора, Цицерона, Августина и Григория, что позволило автору главы (С. А. Воронцов) прийти к выводу о том, что Исидор переосмысливает предложенное Цицероном понимание дружбы и понимает под дружбой прежде всего любовь к ближнему и Богу, в этом он имеет предшественников в лице Августина и Григория Двоеслова. Но дальше следует ещё один, довольно странный вывод: Августина и Григория можно назвать «предшественниками Исидора, но выстраивание этого нового тезиса принадлежит ему» (с. 170). Остаётся не ясным, во-первых, что имеется в виду под «выстраиванием» (не буквальное заимствование, а творческое переосмысление?), во-вторых, продвинулся ли в чём-то Исидор дальше и в чём, если продвинулся. Далее, в восьмой главе, предметом обсуждения становится учение Исидора о Божественном Провидении и Евхаристии, подчёркивается дарование Исидора как проводника в испанское христианство и античных идей о предопределении (в частности, идей стоиков), и восточно-христианской традиции. Обращаясь к двум упомянутым главам, читатель (что, безусловно, важно) открывает для себя новые грани в творчестве великого Севильца, тем более что до сих пор на русский язык переведена лишь малая часть его литературного наследия. Однако именно из этих двух глав совершенно исчезают общество и власть, анализу взаимоотношений Церкви с которой авторы обещали посвятить книгу.

Вторая часть книги «Тексты и контексты» открывается главой «Власть, церковь и текст в Испании до 1000 года» (автор О. В. Ауров), в которой даётся общий и весьма добротный обзор истории христианства и христианской литературной традиции в Испании со II в. Предложен, действительно, обзор, который не предполагает серьёзной интерпретации текстов, но в подобной монографии, посвящённой политической и церковной истории вестготской Испании, он, безусловно, необходим, особенно с учётом сложившейся историографической ситуацией. Отраднее также, что в этой главе нашлось место не только вестготским, но и свевским сюжетам, в том числе св. Мартину Думийскому (с. 221–222). Единственный вопрос по этой главе вызывают хронологические рамки предмета, который в ней обсуждается. Если целью авторского коллектива было создание монографии, посвящённой вестготам, и для этой монографии подбирались уже опубликованные статьи, материал которых изначально вполне мог выходить за хронологические рамки вестготского периода, следовало эти статьи при включении в монографию предварительно перестроить, подчинив общей идее и хронологии. Очевидно, что христианство сохранялось на Пиренейском полуострове и в период арабского владычества, но это вопрос, явно выходящий за рамки вынесенной в заглавие монографии темы.

После общего обзора вполне логично далее рассматриваются частные вопросы. В 10 главе (авторы Е. С. Марей и Е. Д. Звягина) вниманию читателей предлагается анализ отношений папского Рима с Византийской и Вестготской Испанией в годы понтификата Григория Двоеслова. Анализ писем папы свидетельствует об активном вмешательстве Рима в дела христиан Испании, папа берёт на себя роль арбитра в решении внутренних споров, наставника в вопросах веры и защитника Церкви от посягательств светских лиц (с. 270–271). В 11 главе предлагается анализ переписки Браулиона Сарагосского, не только содержащей информацию об обязанностях священнослужителей, но и отражающей отношения светской и духовной властей. Следующая глава знакомит с «Житием святого Дезидерия», которое было составлено королём Сисебутом (612–621 гг.), одним из последних светских интеллектуалов вестготской эпохи. Завершается монография главой, представляющей перед читателями ещё один агиографический текст — «Краткое жизнеописание Юлиана Толедского» Феликса Толедского. Отдельной похвалы заслуживает сопровождение последних глав книги переводами оригинальных текстов, так

что сами главы оказываются своеобразными предисловиями к этим публикациям. Это вполне отвечает общей идее монографии и даёт возможность в полной мере увидеть место текста в конструировании реальности и её отражении. К тому же именно публикация текста с подробными, как в данном случае, комментариями, далеко не только справочного, но часто аналитического характера⁶, позволяет заинтересованному читателю сложить собственное мнение об эпохе и идеях, формирующих лицо этой эпохи.

Подводя итог рецензии, хотелось бы ещё раз обратить внимание на важность темы, поднятой на страницах издания. Читатели получили новый взгляд на историю раннесредневековой Испании, которая оказалась не только наполнена усобицами и борьбой за власть. Важнейшей составляющей этой истории стала деятельность Церкви и церковных интеллектуалов, благодаря которой мы получили возможность соприкоснуться с далёким прошлым Испании. Несмотря на высказанные в рецензии замечания, книга должна быть оценена прежде всего как важный шаг на пути научного осмысления средневековой христианской цивилизации, как произведение, провоцирующее на дальнейший поиск и дискуссии.

Владимир Михайлович Тюленев

Библиография

- Mater Hispania: христианство в Испании в I тысячелетии: пер. с лат. яз. / сост. протоиерей А. Кордочкин. СПб.: Алетейя, 2018.
- Вестготская правда. (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012.
- Корсунский А. Р. Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). М.: Издательство Московского университета, 1969.
- Циркин Ю. Б. Испания от Античности к Средневековью. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2010.

6 Особо в этом отношении выделяются комментарии к эпистолярным произведениям (авторы Е. С. Марей и Е. Д. Звягина).